

ИНТЕРТЕКСТ И ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ КАК ПОСТМОДЕРНИСТСКАЯ ИЛЛЮЗИЯ

К.Т. Касымова, С.А. Турдакунова

Рассматриваются понятия интертекста и интертекстуальности, теория полифонии и «смерти автора», приводятся примеры основных способов реализации интертекстуальности в художественных текстах периода постмодернизма. Рассмотрение феномена интертекстуальности связано с рядом спорных вопросов, где одним из главных является проблема классификации интертекстуальных включений.

Ключевые слова: интертекст; интертекстуальность; интертекстуальные включения; прецедентность; полифония; «смерть автора»; постмодернизм.

ИНТЕРТЕКСТ ЖАНА ИНТЕРТЕКСТУАЛДУУЛУК ПОСТМОДЕРНИСТТИК ИЛЛЮЗИЯ КАТАРЫ

К.Т. Касымова, С.А. Турдакунова

Бул макалада интертекст жана интертекстуалдык түшүнүктөр, полифония теориясы жана «автордун өлүмү» иликтенип, постмодерн доорунун көркөм тексттеринде интертекстуалдуулукту турмушка ашыруунун негизги ыкмаларынын мисалдары келтирилген. Интертекстуалдык кубулушту кароо бир катар талаштуу маселелер менен байланыштуу, мында негизги маселелердин бири – интертексттик кошууларды классификациялоо маселеси.

Түйүндүү сөздөр: интертекст; интертекстуалдуулук; интертексттик кошулмалар; артыкчылык; полифония; «автордун өлүмү»; постмодернизм.

INTERTEXT AND INTERTEXTUALITY AS A POSTMODERN ILLUSION

K.T. Kasymova, S.A. Turdakunova

This article examines the concepts of intertext and intertextuality, the theory of polyphony and the «death of the author», and provides examples of the main ways to implement intertextuality in literary texts of the postmodern period. Consideration of the phenomenon of intertextuality is associated with a number of controversial issues, where one of the main problems is the classification of intertextual inclusions.

Keywords: intertext; intertextuality; intertextual inclusions; precedence; polyphony; «death of the author»; postmodernism.

Интертекстуальность (от лат. *«intertexto»* – «вплетать в ткань») – фундаментальный прием в художественных текстах эпохи постмодернизма, позволяющий снова и снова «перерабатывать» и переосмыслить их.

Интертекстуальность – явление, которое «выводит на сцену смысловые особенности литературного текста, условия его прочтения, его восприятие и глубинную природу» и которое можно

рассматривать с двух точек зрения – с точки зрения автора и с точки зрения читателя [1, с. 12]. Для автора интертекстуальность – это способ построить диалог с читателем, а также способ создания собственного текста и утверждения своей творческой индивидуальности путём выстраивания комплексной системы отношений с произведениями предшественников или современников. Для читателя же способность к поддержанию «диалога»

с автором позволяет ему более полно и глубоко понять авторскую идею, заложенную в произведении.

Термин «интертекстуальность» был введен в научный дискурс французским исследователем Юлией Кристевой в 1967 году, которая впервые использовала его в своей статье о творчестве М.М. Бахтина «Бахтин, слово, диалог и роман» [2, с. 429]. Под интертекстуальностью Кристева обозначила способность текста обнаруживать в себе связи со своими предшественниками, которая позволяет находить новые комбинации смыслов.

Следует отметить, что идея о способности текста к «диалогу» имеет под собой более давнюю историю, а именно идеи русского исследователя и теоретика М.М. Бахтина о том, что любой литературный текст по сути своей диалогичен и полифоничен. Текст произведения представляет собой «полотно», сотканное из высказываний разных субъектов речи или из нескольких «голосов». В процессе создания текста автор находится под «воздействием» текстов, написанных его предшественниками, которое имеет своим результатом включение в авторский текст фрагментов из «чужих» текстов [3, с. 112]. При этом автор совершенно свободен в выборе способа переосмысления – от прямой дословности до насмешливого искажения [4].

Говоря о феномене интертекстуальности, особо следует отметить концепцию Р. Барта, выдвинутую им в статье «Смерть автора». По мнению Р. Барта, каждый текст – это поле анонимных формул, происхождение которых не часто удастся установить. Автору текста может только казаться, что он создает свой, независимый текст, тогда как в реальности его текст уже давно «поглотил» и «перемешал» в себе обрывки культурных кодов, формул, ритмических структур, фрагменты социальных идиом [5, с. 232].

Сегодня вопрос изучения феномена интертекстуальности по-прежнему остаётся достаточно сложным хотя бы потому, что определения для этого явления достаточно изменчивы и границы между интертекстуальностью и интертекстом недостаточно чёткие.

Н. Пьеге-Гро (*Nathalie Piegay-Gros*) предлагает разграничить термины следующим

образом: «Интертекстуальность – это устройство, с помощью которого один текст переписывается на другой текст, а интертекст – это совокупность текстов, отразившихся в данном произведении, независимо от того, соотносится ли он с произведением (в случае аллюзии) или включается в него (в случае цитаты) [1, с. 49]. Оба понятия неотделимы друг от друга, тем не менее интертекст – это совокупность текстов, которые становятся частью другого текста, а интертекстуальность – это то, что позволяет нам «считывать» интертекст.

При исследовании явления интертекстуальности в рамках художественного текста используются понятия «прецедентность» и «прецедентный текст». Термин «прецедентность» ввел исследователь Ю.Н. Караулов, который впервые упомянул понятие «прецедентный текст», под которым он понимал «тексты, значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношении, имеющие сверхличностный характер, т. е. хорошо известные широкому окружению данной личности, включая её предшественников и современников» [6, с. 216]. В качестве прецедентных текстов могут выступать явления культуры, известные практически всем её представителям, общее достояние нации, элементы национальной памяти: «В самом общем смысле можно было бы сказать, что состав прецедентных текстов формируется из произведений русской, советской и мировой классики, имея в виду, что сюда входят и фольклорные шедевры» [6, с. 216].

Итак, обобщая вышесказанное, отметим, что интертекстуальность – это отсылка к другому литературному тексту. И наибольшего своего расцвета использование отсылок, явных и неявных, достигло в период постмодернизма. Именно в этот период стало возможным менять расположение сторон в «треугольнике» автор-произведение-читатель. И именно эта взаимозаменяемость сторон позволила читателю выйти на первый план. Поскольку интертекстуальность без участия читателя существовать не способна, то читательская память и осведомлённость – единственные критерии, позволяющие говорить о ее наличии. Автор произведения может «спрятать» в своем тексте сколько угодно отсылок, но

находить их впоследствии будет только читатель [1, с. 57–58]. И чем более опытным читателем он будет, тем интереснее будет для него интертекстуальная интеллектуальная игра, которая может не завершаться никогда.

Примером такой игры можно назвать роман П. Зюскинда «Парфюмер», который предоставляет читателю бесконечные комбинации вариаций для переосмысления [7]. Здесь есть множественные отсылки к сюжетам мифов и легенд, к библейским сюжетам, намеки на творчество писателей разных эпох. Например, главный герой романа – Жан Батист Гренуй – безумно-гениальный художник-создатель ароматов, самое яркое подтверждение, что «гений и злодейство» очень даже совместимы. Весь его образ строится на принципе «наслаивания» черт одного литературного героя на другого, квинтэссенции образов: Крошка Цахес и Иоганнес Крейслер В.А. Гофмана, Квзимодо В. Гюго, Адриан Лерверкюн Т. Манна. Зюскинд по кусочкам собирает свое «гениальное чудовище» для того, чтобы его образ нельзя было «считывать» в каком-то одном, определенном смысле. Приведенные возможные «прообразы» Гренуя далеко не единственные, каждый читатель будет совершенно свободен в выборе основы для прочтения и понимания образа героя. Сюжет романа и его структура также совершенно не ограничиваются никакими рамками, что делает его универсальным для читателя. Для кого-то роман станет сложносочинённым детективом с элементами триллера, для кого-то – историческим романом-полотном со множеством различных отсылок к мировой культуре или авторской притчей-рассуждением о природе гениальности. А для кого-то – излишне громоздким, объемным романом, в котором читатель, устав от немного тяжеловесного языка в попытках уловить суть, возможно, не в полной мере обратит внимание на авторские отсылки, что, в свою очередь, сделает роман не более чем постмодернистской иллюзией.

В результате исследования теоретических основ интертекстуальности нами был сделан ряд выводов: были рассмотрены основные этапы формирования теории интертекстуальности, начиная от идеи о «полифоничности и диалогичности» текста М.М. Бахтина, которая

впоследствии была развита и продолжена французскими учёными-постструктуралистами (Ю. Кристевой и Р. Бартом), заканчивая исследованиями многих других отечественных и зарубежных учёных, таких как Н. Пьеге-Гро, Ю.Н. Караулов и т. д.

Таким образом, в ходе изучения теоретических основ, мы пришли к наиболее полным определениям интертекстуальности и интертекста, которые по сути своей неотделимы друг от друга.

Также в ходе изучения доступных нам работ было выявлено, что и сегодня теория интертекстуальности не утрачивает своей актуальности. Рассмотрение феномена интертекстуальности связано с рядом спорных вопросов, где одним из главных является проблема классификации интертекстуальных включений.

Подводя итог, можно сказать, что явление интертекста и интертекстуальности представляет обширный пласт для исследования. Его природа дает нам возможности для сколь угодно разных восприятий, интерпретаций и прочтений любого художественного текста любого периода и эпохи.

Литература

1. *Пьеге-Гро Н.* Введение в теорию интертекстуальности / Н. Пьеге-Гро; пер. с франц.; общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. 240 с.
2. *Kristeva J.* Bachtine, le mot, le dialogue et le roman / J. Kristeva // Critique. Paris. 1967. Т. 23. № 239.
3. *Бахтин М.М.* Собрание сочинений: в 7 т. Т. 6. «Проблемы поэтики Достоевского», 1963. Работы периода 1960-х–1970-х гг. / М.М. Бахтин. М.: Русские словари; Языки славянской культуры, 2002. 505 с.
4. *Бахтин М.М.* Слово в романе / М.М. Бахтин. URL: <https://www.rulit.me>, свободный.
5. *Барт Р.* Избранные работы: Семиотика. Поэтика / пер. с франц. С.Н. Зенкина / Р. Барт. М.: Прогресс, 1989. 616 с.
6. *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. М.: Изд-во ЛКИ, 2010. 264 с.
7. *Зюскинд П.* Парфюмер: история одного убийцы: роман / пер. с нем. / П. Зюскинд. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2015. 304 с.